

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации
Скачедубовой Марии Вадимовны «Функционирование -л-формы в
древнерусском нарративе (на материале ранних летописей)»,
представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.02.01 русский язык
(Москва, 2019)

Научно-квалификационная работа Марии Вадимовны Скачедубовой посвящена одной из ключевых и наиболее сложных проблем русского исторического языкознания – функционированию элевых причастий в таком важном типе оригинальных текстов, как летописи. Хотя в составе сложных форм прошедшего времени элевые причастия именно в языке летописей были неоднократно подробно описаны, в том числе в недавних работах П. В. Петрухина, М. Н. Шевелёвой, автору диссертации удалось найти такие аспекты функционирования элевых причастий, которые ранее не попадали в поле зрения исследователей. В то же время Скачедубова в ряде случаев пытается пересмотреть уже существующие интерпретации употребления элевых форм в летописях и в древнерусском языке в целом. Хотя это сделать не всегда удастся, дискуссионный и критический пафос исследования можно признать оправданным и полезным, поскольку сам по себе критический подход позволяет увидеть слабые или недостаточно продуманные положения существующих решений. Критический анализ, как правило, способствует оживлению научной дискуссии, которая и должна привести к установлению истинного положения вещей.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширения базы исследования элевых форм в разных текстовых структурах и возможностей их интерпретации, а также необходимостью экспериментальной, основанной в том числе на новых языковых фактах проверки гипотез о функционировании элевых форм, необходимостью детализации соотнесения их функционирования с эволюционными доминантами глагольной системы.

Научная новизна исследования заключается в комплексной методологии, в использовании дескриптивной классификации контекстов и их функциональном анализе, в установлении функциональных схождений в эволюции генетически разнородных единиц. Целый ряд контекстов с элевыми формами в диссертации был выявлен и рассмотрен впервые.

О научной новизне диссертации свидетельствуют пять положений, выносимых на защиту, которые имеют фундаментальное значение для полномасштабного исторического описания элевых причастий. Суть их состоит в следующем:

1. Значительная часть элевых форм без связки в нарративе, не имеющих перфектного значения, употребляется не хаотично, а в определенных типах контекстов.
2. Элевые формы без связки могли употребляться в плюсквамперфектном значении, обозначая результат, отнесенный к прошлому.
3. Элевые формы без связки могли использоваться в функциях, типичных для действительных причастий прошедшего времени на *-ьш/-вьш-*.
4. Не все сочетания глагола *быти* в прошедшем времени с элевыми формами являются формами плюсквамперфекта.
5. Можно говорить о функциональной синонимии двух причастных образований – элевых форм и причастий на *-ьш/-вьш-*. Вполне возможно, что «новый» перфект в диалектах был сформирован именно на их базе.

Работа обладает теоретической значимостью, поскольку содержит разработку нового алгоритма анализа элевых форм. Ее результаты могут найти практическое применение в курсах по исторической грамматике и истории русского литературного языка.

Диссертация имеет большой объем – 267 стр., что подчеркивает масштабы проделанной диссертантом работы. Кроме того, имеется отдельная часть с приложениями, которая насчитывает 103 стр. Здесь автором собран весь корпус контекстов с элевыми формами в различном перфектном,

плюсquamперфектом или самостоятельном, в том числе так называемом финитном употреблении. Хотя в приложения, к сожалению, не были включены специализированные контексты, рассмотренные в диссертации, приложения являются важной прикладной частью работы диссертанта. Здесь впервые собран столь объемный языковой материал, который может быть использован в дальнейших исследованиях. Приложения включают и дополнительную аналитическую информацию, поскольку весь корпус данных автором был предварительно классифицирован и представлен в оглавлении отдельной подробной рубрикой. Так, например, отдел «Перфект» включает рубрику «Перфект в собственно перфектном значении» с подразделением на «Формульные контексты» и «Неформульные контексты», а также рубрику «Относительное употребление перфекта» с подразделением на «Со связкой» и «Без связки».

Научно-библиографический аппарат в диссертации сравнительно небольшой и включает 137 наименований. К сожалению, в нем не везде выдержаны правила оформления.

Автором впервые аналитически переработан объемный корпус текстов, в который вошли семь летописных списков. Диссертантом учтен сложный и неоднородный состав текстов. Так, в Ипатьевском списке выделены и затем рассмотрены дифференцировано Повесть временных лет, Киевская летопись, Галицкая и Волынская летописи, а кроме того, в параллелях учтены родственные Хлебниковский и Погодинский списки летописи. К сожалению, в цитатах из летописей не приводится датировка записей, как это принято в научной литературе, хотя везде указаны номера листов. Автор включил в описание не только древнерусские летописи, но и летописи, созданные в старорусский период. В названии диссертации, а затем и в изложении этот факт не нашел отражения. Старорусские летописи вместе с древнерусскими названы ранними. Разграничение древнерусского и старорусского периодов, важное в диахроническом описании, нивелировано в названии термином «древнерусский нарратив».

Удивительным образом в диссертации понятие «нарратив», вынесенное в заглавие диссертации, отдельно не рассматривается, во введении дается лишь подстраничная ссылка с очень краткой его трактовкой.

Диссертация, помимо введения и заключения, включает четыре главы с довольно дробным внутренним членением. При этом вторая глава «-л-форма без связки не в перфектном значении» имеет в свою очередь два раздела с дробной внутренней рубрикацией общим объемом 152 стр. (с. 29–181). Для сравнения – первая глава «История изучения функционирования -л-формы» насчитывает лишь 14 стр. (с. 15–29). Хотя столь очевидный дисбаланс может быть оправдан предметом и тематикой описания в главах, все же нужно признать, что небольшой объем первой главы объясняется излишне кратким историографическим обзором темы, в то время как для квалификационной работы историографический реферативный анализ имеет самостоятельное значение. Так, самое большое место в диссертации занимает рассмотрение элевых форм без связки, между тем в работе вообще не упоминается их характеристика у ван Схоневельда, который впервые рассматривал их в своей монографии дифференцированно, отделив от связочных форм. Нет в библиографии и в ссылках и типологической работы Д. В. Сичиной о так называемых длинных и коротких формах перфекта.

Во второй главе диссертации автором впервые приведены и проанализированы специализированные контексты с так называемыми бессвязочными элевыми формами. В первом разделе второй главы (с. 30–160) элевые формы без связки анализируются в специализированных контекстах, а во втором разделе (с. 160–173) элевые формы описываются в связи с функционированием в качестве финитных форм «простых претеритов». В свою очередь, первый раздел второй главы распадается на две довольно разнородные части, в которых элевые формы вновь оказываются разведены в своих функциях на далеко отстоящие друг от друга полюса. В параграфе 1.1 «-л-форма без связки в значении результата, отнесенного к прошлому» (с. 32–72), предполагается возможность нейтрализации перфекта

и плюсквамперфекта в контекстах со значением результативности в прошедшем следующего типа: «(4) НПЛ ст. л. 83 И приде вестъ въ Новъгородъ; бѣше же новгородцевъ мало: ано тамо измано вячьшие мужи, а мньшее они розидошася, а иное *помьрло* голодомъ, который автор комментирует так: «здесь объясняется, почему новгородцев осталось мало: ‘часть людей умерла от голода / была умершей’» (с. 39). Тезис о нейтрализации форм перфекта и плюсквамперфекта представляется чрезмерным обобщением, поскольку конкуренция перфекта и плюсквамперфекта в выражении значения предпрошедшего является известным фактом, а пропуск связки в 3 л. регулировался синтаксисом контекстов. Кроме того, бессвязочный перфект – это фикция, в действительности это перфект с нулевой связкой. Нулевая форма связки хорошо осознавалась на фоне форм 1 и 2 л., где связка не пропускалась, и на фоне 3 л. плюсквамперфекта, где её пропуск был вовсе не возможен. Наследием такого положения вещей является, например, польское прош. вр., где в 3 л. ед. ч. находим нулевое окончание на фоне флексий 1 и 2 л.: *koszał, koszałem и koszałeś*. Другим чрезмерным обобщением нам представляется апелляция исключительно к семантике результативности вместо значения, по А. А. Зализняку, «достигнутого состояния». К тому же непонятно, к чему значение результативности автор относит – к элевой форме, всему контексту или чему-то ещё. См., например, толкование значения результативности на с. 43: «(17) НПЛ мл. л. 209 а бояре новоторьскыи прибѣжаша в Новъгород толко душею, кто *успѣль*; а дома их разграбиша и хоромы розвозиша». Автор далее в комментарии связывает результативность с аористом и, вероятно, всем контекстом в целом: «Сколько бояр успело, столько и прибежало, т.е. действие, выраженное аористом *прибѣжаша* является результатом действия, выраженного перфектом без связки *успѣль*». Этот контекст в дальнейшем предлагается рассматривать еще и не в связи с нейтрализацией перфекта и плюсквамперфекта, а в связи с семантикой неопределенного деятеля в сходных конструкциях с действительными причастиями, обнаруженных А. А. Пичхадзе. См. также

неловкую формулировку на с. 41: «-л-формой выражается действие, которое имело непосредственный результат для последующих событий».

Указанная трактовка элевых форм по существу может быть понята как признание существования в древнерусском узусе грамматической категории результатива вместо дискурсивных модификаций в ряде случаев категории темпоральности. На это как будто указывает следующая формулировка на с. 125–126: «Если рассматривать грамматическую категорию *перфект* / *плюсквамперфект* как ‘результатив в настоящем’ / ‘результатив в прошлом’, то ее инвариантным значением оказывается результативность. Соответственно, -л-форма без связки выражала результат как таковой, без его соотнесения с временным планом». Такое заключение, безусловно, является спорным. Развитие общеславянского плюсквамперфекта с перфектной связкой свидетельствует о сугубо темпоральном соотношении форм, а с другой стороны, три типа форм плюсквамперфекта указывают на неполную его грамматикализацию и потенциальное сохранение атрибутивного характера элевых форм.

Тем не менее автору удалось установить, безусловно, важный факт, который подкреплён в работе и количественной оценкой: «в наиболее древних летописях (ИЛ, НПЛ ст., ЛЛ ПВЛ)» нефинитные элевые формы без связки «встречаются практически исключительно в специализированных контекстах, а в ИЛ ПВЛ, КЛ и ГЛ такое употребление является стопроцентным». В отличие от этого, «в позднейших летописях процент -л-форм, употребленных в качестве финитных, возрастает (максимальный показатель в Пск. II – 67%)» (с. 175).

В параграфе 1.2 первого раздела «-л-форма в функциях причастия на -ьш-/-вьш-» (с. 72–128) автором впервые подробно рассматриваются на летописном материале потенциальные функциональные схождения элевых причастий и действительных причастий на -ьш-/-вьш-. Диссертанту удалось обнаружить свыше 30 случаев, когда наблюдается употребление элевых причастий без связки в типовых контекстах, которые ранее были выявлены

А. А. Пичхадзе для причастных предикаций с формами *-ьш/-вьш-*. Тем самым автору удалось найти веское доказательство не только употребления элевых форм в собственно причастном формате, но и длительного сохранения элевыми формами собственно причастного статуса. Как и в случае с причастиями на *-ьш/-вьш-*, наиболее частотными для элевых причастий оказались контексты, где «указывается на любой, неопределенный субъект / объект / обстоятельство / свойство» (с. 82). Заметим, что А. А. Пичхадзе связывала обнаруженные причастные конструкции с семантикой модальности и эвиденциальности, которая в обсуждаемой диссертации не учитывалась.

В подпараграфе 1.2.2 в диссертации собрано 19 контекстов, в которых функция элевых причастий автором сближается с причастиями на *-вь* в конструкциях типа *въставь (и) рече*, где причастия выполняют роль второстепенных сказуемых.

В подпараграфе 1.2.3 «*-л*-форма для обозначения значения одновременности / продолжительности» приведены 68 специализированных контекстов, в которых могла реализовываться причастная природа элевых форм. Автор приходит к важному заключению: «Регулярное использование *-л*-формы для обозначения действия, противопоставленного по характеру аористу, в Псковских летописях говорит о том, что ее причастность могла актуализироваться вплоть до XV-XVI вв.» (с. 118).

В подпараграфе 1.2.4 значение предшествования у элевых форм также связывается с их причастным статусом, что вызывает сомнения. Ср. замечание Д. В. Сичиनावы в только что вышедшей статье в «Вопросах языкознания»: «В древнерусском летописании в значении предшествования в прошедшем плюсквамперфект активно конкурирует с перфектом».

В параграфе 1.3 обсуждается вопрос о синонимии причастных форм разного происхождения, с которой автор связывает образование нового перфекта на *-ши/-вши* в северо-западных говорах.

В параграфе 1.4 диссертант пытается оспорить обоснованные выводы исследователей о том, что основным значением элевых форм в нарративе

являлось значение фонового действия / состояния, находящегося вне основной линии повествования. Небезосновательный вывод диссертанта звучит дискуссионно: «Единственное, что объясняет использование *-л-*формы во всех без исключения анализируемых контекстах – это ее причастный характер» (с. 148).

В параграфе 1.5 довольно подробно рассмотрен вопрос о бытовании прилагательных типа *усталый* в славянских языках и их связи с элевыми причастиями. Диссертант приходит в итоге к важному заключению: рост продуктивности подобных прилагательных в XVI–XVII вв. свидетельствует о том, что только в данный период причастный статус элевых форм окончательно трансформируется в финитный.

В очень краткой главе 3 «*л-форма со связкой / без связки в перфектном значении*» (с. 181–192) приводятся данные, в том числе количественные, об употреблении перфекта в летописных текстах. Автором несколько расширен круг перфектных форм в летописном нарративе по сравнению с другими авторами. Косвенным образом эти данные входят в противоречие с утверждением об одновременном устойчивом причастном статусе элевых форм.

В главе 4 «*л-форма со связкой / без связки в перфектном значении*» (с. 181–249) анализируются формы плюсквамперфекта и свободные сочетания, как считает автор, совпадающие по форме с плюсквамперфектом.

Выделяются следующие семантические разновидности плюсквамперфектных форм: предпрошедшее время, результатив в прошедшем, антирезультатив, давнопрошедшее время, замена относительного перфекта. Вызывает вопросы, на наш взгляд, вновь обоснованность выделения результата вне указаний на акспекуальные корреляции. Поскольку далее, как и во второй главе, приводятся веские доводы в пользу сохранения причастного атрибутивного статуса элевых форм, возникает вновь вопрос о степени грамматикализованности форм плюсквамперфекта.

Заслугой и достижением автора нужно признать найденные летописные примеры плюсквамперфекта (пять случаев) с вспомогательным глаголом в аористе от основы *бы-*, тождественные формам сослагательного наклонения, которое, таким образом, с плюсквамперфектом может быть соотнесено генетически (с. 217–219).

Автором обнаружена особая ситуация с употреблением сверхсложного плюсквамперфекта в Псковских летописях

Автору удалось также обнаружить своеобразный аналог безэлевого перфекта на месте плюсквамперфекта – гиперкорректные формы типа *бѣ възложи, бѣше възлюби* (7 примеров, с. 219–221).

Кроме того, важным наблюдением являются найденные диссертантом контексты, в которых актуализирована причастная семантика в сочетании с прош. вр. глагола быти (см., в частности, в примере из Киевской летописи по Ипат., л. 203 об. Андрѣи же то слышавъ ѿ Михна. и *бы(с)* въбразъ лица его *потоускнѣль* ‘стал потускневшим’).

Безусловно, ряд наблюдений автора является предварительным и потребует дальнейшей экспериментальной проверки на материале более обширного круга источников. См., например, на с. 210: «Такие примеры, особенно парные (в которых в одном и том же контексте в разных летописях употребляется и плюсквамперфект, и одиночная *-л-* форма), свидетельствуют в пользу предположения, что антирезультативное значение в древнерусском развилось на базе результативного, а не, как предполагает В. А. Плунгян [Плунгян 2001] исходя из типологических данных, давнопрошедшего».

К высказанным ранее замечаниям можно добавить, в частности, следующие.

1. Автор оперирует вводящим в заблуждение термином «русский» плюсквамперфект для сверхсложных форм, упуская из виду, что плюсквамперфект типа *есмь былъ ходилъ* является общеславянским образованием (с. 224 и др.).

2. Вопреки автору, как указано было еще А. Вайаном [1952: 407], союз *яко* может вводить прямую речь, так что при глаголах речи с союзом *яко* мы находим не косвенную речь, а лишь особое оформление прямой речи. См., в частности, на с. 188: «(15) ГЛ л. 264 Батыи же взѧ городъ. изби вси. и не пощадѣ ѿ втрочать. до сосоуци(хъ) млеко. в кнѧзи Васильи невѣдомо есть. и инии глѣху *яко во крови оутоноуль есть. понеже оубо младѣ ба(иѣ)*» и др.

3. Неудачным является использование термина «главное предложение», когда автор пытается оспорить тесную связь перфектных форм прежде всего с придаточными предложениями, означающую их наднарративную, например, поясняющую, функцию; см., в частности, на с. 144–145: «Однако практически ни для одной из групп не являются редкими примеры, где *-л-*форма используется в главных предложениях, ср.: Ак. л. 252 В лѣ(тѣ) .#с̣. ѿ. кѣ. м(с̣)ца инаа .кѣ. въ .г̣. ча(с̣) днѣи погыбе слнце. и *всталоса* его *яко* двою днѣи м(с̣)ць. и по единомъ часѣ паки наполниа, ИЛ ВЛ л. 305 об. Мьстиславъ. вборзѣ. посла гонцѣ. по Юрьи кнѧзи Пороскомъ. вела воротити и назадъ... тогда бо Юрьи. Пороскийи слоужаше Мьстиславоу. а первое *слоужиль* Володимироу». Понятно, что в приведенных и других подобных случаях речь может идти не о главных, а о самостоятельных предложениях, при том что бессоюзная или сочинительная связь таких предложений вовсе не означает отсутствия смыслового доминирования одних или дополнительности других в цепи предложений.

4. В случаях с союзным соединением или совмещением причастных форм на *-ль* и *-въ*, по-видимому, обнаруживается фонетическое изменение конечного плавного [l] в губно-губной [w], как в украинском: жен. р. *ходила*, муж. р. *ходив*. На фонетический дрейф подобного типа в древнерусских говорах указывал А. А. Зализняк [2004: 80]. См.: «(1) ИЛ КЛ л. 170 об. Изаславъ же ре(чѣ) и ннѣи вы есмь створиль. *уже есте на ма. пришли. а како ми с вами Бѣ дасть. башеть бо пославъ* [Х.П. послалъ] *и подвель* Глѣба Дюргеви(чѣ) с Половци; (2) ИЛ ГЛ л. 274 иде на Мидовга. Миндѣвгъ же *собралса* [Х.П. събрався] *бѣ. и оумысливъ* же собѣ. не битиса с ними полкомъ. нѣ вниде во

гра(д). именемъ Вороута. и высла шоурина своего ношь. и розгнаша и Роусь и ятвазѣ».

5. В ряде рассмотренных в диссертации типах контекстов прослеживается связь семантических разновидностей элевых форм с категорией вида, однако в диссертации категория вида не включается автором в описание. О важности видового значения в употреблении аористных и элевых форм говорится только вскользь по отношению к отдельным контекстам (см., например, с. 96).

6. Признание причастного атрибутивного статуса элевых форм неминуемо подразумевает признание не полностью грамматикализованного статуса сочетаний с бытийно-экзистенциальным глаголом *быти* как в настоящем, так и в прошедшем времени. Это, в свою очередь, неминуемо влечет к признанию наличия у соответствующих сочетаний экзистенциального, эвиденциального или эпистемического оттенков в семантике, отсылки к части которых находим у E. Klenin.

Подведём итоги обсуждения диссертации. Автору удалось доказать, проведя впечатляющую аналитическую работу, что элевые формы обладали в языке летописей полисемантической и полифункциональностью на всем протяжении их исторического бытования, а также сделать целый ряд новых и важных наблюдений над функционированием элевых форм при сохранении ими причастного статуса. Исследование М. В. Скачедубовой позволяет увидеть новые аспекты в функционировании и эволюции элевых форм и будет способствовать их более точной исторической интерпретации. Диссертационное сочинение М. В. Скачедубовой «Функционирование *-л-* формы в древнерусском нарративе (на материале ранних летописей)» представляет собой самостоятельное, оригинальное и завершённое научно-квалификационное исследование, в котором поставлен и решен ряд вопросов, стоящих перед исторической русистикой и лингвистическим источниковедением. Основные положения рецензируемой работы нашли отражение в девяти публикациях, три из которых – в изданиях,

рекомендованных ВАК или индексируемых в базе Scopus, они соответствуют теме и содержанию диссертации. Основные положения диссертации также отражены в автореферате. В тексте диссертации корректно сделаны ссылки на цитируемые исследования.

Обсуждаемая диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей существенное значение для соответствующей отрасли знаний. Работа соответствует пп. 9, 10 Положения о присуждении ученых степеней. Автор диссертационного исследования Скачедубова Мария Вадимовна заслуживает присвоения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Официальный оппонент,
доктор филологических наук
(10.02.01 Русский язык),
профессор, профессор кафедры
русского языка и прикладной лингвистики
ФГАО ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
Олег Феофанович Жолобов
420008, Россия, РТ, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18
+7 843 233 71 09
public.mail@kpfu.ru ozolobov@mail.ru

